

Муравский Валентин Тихонович
Корреспондент – Флиге Ирина Анатольевна
24.06.04

- Расскажите о своей семье, что вы помните, с самого сначала.

- Ну, был когда-то 37-й год.

- Нет. До 37-го года... Расскажите про семью - про папу, маму, бабушку – дедушку...

- Ну, семью... Отец... ну, в деле у него написано – вот, мол, ты там в Белой армии там был, и прочее, так?

- А отец где родился?

- Отец – украинец. Он родился... ну, в Переяславле, это Херсонская губерния, город Переяславль, это вот Днепр, речка есть, так? На этой стороне Переяславль, на другой – Каховка. Вот, и когда я когда-то был там в отпуске, и спрашиваю – у меня, может, какие-то родственники, говорят – ну как же? А фамилия его [отца] – Кочерга, понимаешь, вот. Ну и говорят – вон Кочерга, вон Кочерга, ну, чуть ли не вся улица – и все кочерги, так? Потому он и поменял фамилию, ну, взял материну фамилию, мамину фамилию, почему – потому что на каком-то там совещании, а он был по радио, вот радиодом, он был директор института, заочного института [неразб] он в радиодоме работал, ну, это Садовая улица дом 2, а он был директор института заочного... ой, который готовил моряков, ну, всесоюзный, вот такой вот, так?

[перерыв в записи]

- я был в домерadio, ну, когда-то давно-давно, ну, там как бы компенсацию можно было получить [семье реабилитированных выдавали компенсацию – двух месячный оклад], но я не стал принципиально получать ничего, и я даже специально пошел работать в Дом радио, вот, там такой был отдел... ну, как бы назвать... ну, от «Маяка» - там Фролов был, Уманский был, и Плясунов. Вот они от «Маяка», а я был там оператором, ну, на машине, и то, только для того, чтобы побыть в этом доме, потому что я в детстве, ну, папа водил меня туда, вот, и там был кинотеатр «Колосс», а потом стал этот дом. И он водил [меня] туда. Он водил на в этот, ну, были радиоложи, в театре, я все-все эти вот театры прошел, у меня с того времени еще, ну, в памяти, ну, и опера, и музыка, и филармония... вот. А... ну вот это вот оттуда как бы пошло.

Но вот что интересно, деньги я не стал получать принципиально, так? Но когда я говорил спрашивал, где я могу ознакомиться, ну, с [личным] делом отца, как там что, а он [начальник] говорит – все, ну, в архивах, где деятели искусств. Вот дело отца, ну, гражданское дело, и я так вот туда и не мог вот дойти, я как-то был там, но что-то мне это не дали ничего, ну, и потом сейчас уже не до этого.

Ты знаешь, когда вот мы собирались в Ильича [дом культуры им. Ильича, в 1989 году]... ну, сперва в этом, как называется-то, Юсуповский садик, потом еще там где-то, и когда на Троицкой площади, ну, там такая красная книжка, там это... там спрашивали – кто, цель вашего прихода сюда и так далее. И я тогда сказал – цель моя это найти отца своего. Найти отца, быть среди таких же... И эту цель я сделал, так? Я нашел отца. (знаю, что он в Левашово.

...сейчас вот ко мне обращаются - вот, мол, давай, собирай людей там, собирай подписи под заявлением – мол, просим не лишать нас льгот.... Я отказался – принципиально. А я принципиально не поставил подпись, – нет. Это было всякое просит... Ну был я там на этой, как там – на площади Победы [митинг против отмены льгот в июне 2004]. Я был там, вот. А толку-то с этого... вот. И если что-либо делать, это надо, ну, не льгот требовать, а принципиально решать что-то... Ведь кто такие ведь эти вот, ну, репрессированные, ведь половина их – это дети палачей, так? Я вот так вот – ты, если ты имел в эти времена там дискриминацию – то есть, тебя не пускали на работу на

хорошую, так, не пускали, тем более, в партию – да. А те, кто был членом партии, кто был там, тем более, парторгом или все эти... Это же – какую же вы имели дискриминацию от этого режима? Так ведь? Вот. Вот если их убрать, тогда будет вполтину меньше. То есть это просто мое мнение...

- Давайте вернемся, - ваш отец с Украины...

- да, и вот в деле [следственном], вот с чего я начал-то, был так задан вопрос – вот, мол, ты служил там в Белой армии. А тот говорит [на допросе] – во-первых, война началась, первая, в 14-м году. И было тогда что-то ему пятнадцать-шестнадцать лет, он пошел как, ну, как патриот, как, ну, русский человек, ну, чуть ли не нелегально, пошел служить, ну, против немцев, ну, в первую войну. Там он был отравлен газами. Вот, это иприт и он постоянно, ну, лечился и так далее, так? И таким образом... то есть это вот упоминание о том, что он был... в пятнадцать лет он служил в Белой армии, так? И когда ему приписывали, один из вопросов и ответов его был, он отвечает – я еще мальчишка был, убежал из дома. И тогда никакой не было ни Белой, ни Красной армии. А потом... ну, познакомился с мамой. Она была... Вот я недавно просматривал, ну, подчищал, - делаю ревизию, ну, дома там в документах во всех, - лишнее выбрасываю, ну, фотографии старые, вот... и там я нашел справку ее [матери], что она, что в 19-м году работала, что-то по окончанию каких-то там или Бестужевские курсы, или еще там какие-то курсы были, и она работала в госпитале и... И вот с тех пор, вот они познакомились с отцом, когда он был там отравлен газами и ну и так далее, ну, и в таком духе.

- А отец служил в Красной армии?

- Нет. Он постоянно лежал в этой... в больнице, военно-медицинской, я помню, когда мы приходили туда, и там была хорошая столовая и там солянка была, вот до сих пор я помню этот вкус этой столовой солянки ...

- ... мама из какой семьи? Бабушка, дедушка? Кто...

- Ты знаешь, дедушку я не помню. А мама... и нас вот, я думаю, вот слушай, ... кто еще из Муравских, потому что я один и остался-то Муравский, ну, там и дети мои, сыновья Муравские. И у нас был вот по маминой фамилии был дом на Кировском, Кировский 65, что ли там, я уж не помню. Потом, вот я помню, когда мама встречалась со своими, ну, как они – курсистки назывались, так? Вот с ними она встречалась, вот. Она такая деятельная была, а отец все копался в этих вот...

- Так а родители матери – кто они были?

- Ты знаешь, не помню. Не знаю... У мамы были сестры – тетя Аня, тетя Соня, тетя Тося и тетя Катя, так? Вот, их семья. Тетя Тося – та в 19-м году ее... уехала в Америку, ну, как ученый, и там такое – ну, помнишь, там эшелоны отправляли, так? Она так там и осталась. А тетя Аня – она медик. Ее мужа тоже арестовали... ну, репрессии прошел, прошла. А тетя Соня умерла в 39-м. Дядя Андрей [брат отца], который в этом, Ленэнерго, там их было шесть человек, которых посадили, которые там, ну, такие там... ну, известные специалисты. А кто там дальше? – я знаю, что один из наших, Муравских, ну, в Прибалтике – он там какой-то или губернатор, или там мэр какого-то города, так? Но я больше ездил вот в отпуске или в Крым, или в Анапу, потому что там был этот, дядя Андрей, он брат отца. А по маминой линии – вот все остальные, они ездили вот сюда в Прибалтику. То есть там, ну, как на лето, там на дачу или как там это называется, на отдых.

- мама закончила бестужевские курсы?..

- Да, и она была, в конце концов, тогда... ну, как бы... зав райздравотделом Выборгского района. То есть она такое... ну, я помню, когда мальчик, маленьким – она на эмке приезжала домой, ее привозили и... ну, вот так. Потом фотографии есть – это на Комсомола 14. Этот вот дом, где райздрав был, так? Я не знаю, что там сейчас. Вот она там... она такая деятельная, она была... не председатель, депутат первого созыва, ну, Горсовета. Видишь, из таких она была...

- отец в каком году приехал с Украины в Ленинград?

- Они там, наверное, поженились, вот это я не знаю... Мать родилась здесь. Все здесь. Все здесь, вот бани Пушкарские, ну или вот Дивенская – это все наши, то есть мои родные места, где... ну, там если вот на Кировском 65 – это ее собственный дом был. А потом ей дали только комнатку, где она жила.

- А отец где учился?

- Не знаю. Не знаю. Но дело в том, что вот был... ну, вот я помню, был Новый год – во-первых у него, ну, кабинет был, так? Ну, где все эти приборы там, крутились, вот эти вот... тогда делали рентгеновские снимки или просто вот киноплёнка, вот такая вот штука и она крутится и там все эти вот записи. И там какой-то был Новый год, и он умудрился... ну когда тогда было – по радио говорят, что... ну, что, наступает Новый год и поздравляем там с Новым годом. Он потом говорит это – Галочка, Галочка, а почему ты не поднимаешь, мол, давай, поднимай бокал... Она [мать] ошалела – как так? А это он сидит в другой комнате, так и там, ну, по микрофону... Это было 36-й там или 37-й, это у меня в памяти осталось, так?

В общем, он из этих... потом, книжки его есть, какие-то справочники, какие-то эти вот там формулы там или еще что. Причем занимался наукой, но, я не знаю, где он учился, – радист он.... Вот перед арестом его, перед тем, как мы уехали, у нас был приемник, он назывался СВД-9 или СВ-Д9, и таких приемников было четыре всего – один у Жданова, другой там еще у кого-то, и этот... ну, и у папы тоже был. И когда мы поехали, ну, в этот, ну, в ссылку туда, кто-то тоже из наших ссыльных, когда он увидел этот приемник, ну, говорит – какая это вещь, мы ему отдали ... Ну, отец сам это делал все, там изобретал, там или... Но что там дальше было, что он кончал – это не знаю...

- А бабушку, дедушку – папиных родителей вы не знали?

- Нет. Я же... А вот есть такие Орешки, это напротив Херсона, там, ну, типа острова, и там у них был... ну, какой-то или громадный этот там дом... усадьба там, ну, не из батраков, это не то, ... и фамилия Кочерга, так? Она известная в том краю, вот Орешки – это кочергинский... ну, какой-то вот такой этот... И когда я смотрю старые фотографии, ну, где отец еще там в каком-то черном сюртуке там, у меня даже остались... или манжеты, или как называется, или манишка – вот это вот осталось до сих пор. Вот. ... а этот брат его, дядя Андрей, кстати, он ведь тоже погиб, ну как, в репрессиях там, не знаю – я так и не могу найти его судьбу. А он был известный в Севастополе, потому что он там... капитан какого-то там парохода, или там порта – что-то в этом духе. Когда я был там, он... ну, когда мы с родителями приезжали и он брал иногда нас на прогулку на этом пароходе, а меня там укачивало, ну, как ребенка... Я помню, где он жил там, на Корабельной, (Эстонская дом 7),... ну, это мой родной город, и после этого судьба сложилась так, что я и служил там. Вот по окончанию, когда я, ну, отсидел свое, так? И мне там, сколько я там пробыл, не знаю, сколько там – ну, в марте я освободился, а в апреле меня взяли служить. И я попал в Севастополь.

- А где вы жили в Ленинграде?

- Улица Шикановская. Это, ну, дорога в Гражданку, Лесной и прочее, так? Ну вот, опять-таки – но основное мы жили, родители мои, деды мои – они жили на Петроградской, потому что вся Петроградская – Дивенская, и как она, Пушкарская, там, Гисляровский... Но потом, мама так говорила, – так как отец постоянно болел, и они выбрали место, ну, в Лесном, ну, оно, как бы такое, дачное (перерыв в записи) Фотографии у меня есть, старинные, ну, там где всегда расфуфыренные сидят, но кто есть кто, кто они были – просто не знаю... ну, не было, ни то, чтобы разговора, просто не интересовались.

Вот я больше знаю про тетю Тосю... я знал, что тетя Тося, вернее, ее уже нет, то есть ее дети, то есть мои какие-то двоюродные, троюродные, они в Бостоне, так? И тоже прислали старые фотографии, ну, старинные вот фотографии, где... ну, в таких вот там сюртуках там и прочее, а кто из них кто – я даже не знаю... и они не знают...

- А почему папа сменил фамилию на мамину?

- Это тоже целая легенда. Потому что он все-таки был, ну, как тебе сказать, ну, не то, что ученый, ну, на каком-то большом совещании, он там что-то говорил, другие там что-то говорили, и какой-то мужик встал очередной, ну, там читает там доклад или там... и вот, мол, товарищ, товарищ... и забыл его [отца] фамилию, Кочерга. И говорит: «товарищ Оглобля»... И он [отец] это... ну, мама говорит, на другой день пошел, поменял фамилию на Муравского. Взял мамину фамилию. Вот и, вот не то, что легенда, так оно и есть. Через долгое время, - вот когда сестрица моя, она говорит это – Валь, найди, -ей нужна была метрика, ну, о рождении свидетельство. Я себе взял, так? Ну, там пошел куда-то, в архив или в ЗАГС, и взял. А ее искал-искал, не могу найти. Думаю – как так, я есть, а она – нет. И вспомнил... (а мы уже с ней чуть ли не в ссоре), когда я нашел ее метрику, и то, она была не Муравская, а Кочерга еще. Ну, то есть это был тот период, когда, ну, отец поменял фамилию, на Муравского, и тогда уже вот... А история вот, ну, что мама мне рассказывала, почему я ношу не Кочерга, а это, хотя я-то не стесняюсь этой фамилии...

... ну, вот Дина, сестрица, она 26-го года. И только вот... а остальные, но я их не видел, до меня они все, ну, умерли. Два сына было, то есть, нас четверо, она 26-го. А я 28-го. И мы оба, ну, в один день родились, но разница в два года. ... ну, так сложилось, что я здесь, а она там оказалась...

- Это где?

- В Америке. Ну была война, ты знаешь, что война была, блокада была, вот, потом была... прорвали блокаду, по этой... и нас вывезли по Ладоге, ну, на ту землю. А потом... ну, если остальные, ну, все эшелоны в основном шли куда-то там в эту, ну, в Среднюю Азию там, в Казахстан, в Ташкент там, еще куда-то, так? А наш эшелон попал на Северный Кавказ. То есть привезли туда, и, я не помню, сколько там, или два месяца, или больше, или меньше, и немцы пришли. Понимаешь? И так как мы были с ремесленного училища, видишь, ну, и, так как она постарше, ее сразу отправили, так? Ну, там собрали этих, постарше... а меня позже отправили в Германию. Потом началось вот все, для тех, кто прошел блокаду, или вывезли, для них уже все – война закончилась, так? А там началось вот все-все это вот, ну, заново, сначала там, и голодуха там, и по ушам там давали, и по этим... ну, и прочее.

- А что вы помните вот из раннего детства?

- Я помню, ну, еще квартиру... У нас была большая квартира, деревянный дом, это в Лесном, почему именно в Лесном – потому что, мама говорила, это самое сухое и хорошее место, Гражданка (перерыв в записи)

- А какие в семье праздники отмечали?

- Новый год был, потом вот, Новый год, я тебе рассказывал, что папа умудрялся там это на радио, радио играет там, говорит, а потом он там – Галя, тебе тоже надо, там, поднять тост там, и то, и то. Ну вот такие вот как бы маленькие хитрости, что ли, так? ... Потом что еще? На дачу мы выезжали, вот Дибуну, вот листали старые снимки, где эти... ну, грибочки там это, в Юкках мы были, в Анапу ездили, ну, это к своим, к дяде Андрею в Севастополь. Вот, где он меня потом вот брал на свой корабль, так? А там, а меня там тошнило, ну вот такое так...

- А так – родители уходили на работу, и вы оставались с няней, да?

- Да.

- Расскажите про няню? Книжки читала?

- Ну, ты знаешь, я не помню... по-моему, я ей читал книжки, а не она мне.

- А откуда няня была?

- Не знаю, не знаю... у нее была комнатка отдельная, это весь верхний этаж этого дома, ну вот, был наш, внизу жила такая Щербакова, Вера Щербакова. Она играла – она пианистка там где-то, и прочее. И там тоже музыка была, она на гобое играла. Все это было мое окружение. Катался на лыжах, катался на санках, катался на этом... а потом, бывало, играли в лапту. А когда настал 37-й год, когда нас стали высылать, так?

- Нет, еще немножко о детстве – а в шахматы кто научил играть?

- Ой, даже не знаю.
- А с сестрой вы играли?
- По-моему, нет. Она такая была эта... ну, она постарше меня, и такая..., я уж не помню – а, Юра Добряков, вот сын этого дяди Миши, вот с ним мы играли, ну, ровесники были. Потом Вовка, ну, старший брат его, вот, с ними я играл все, ну, вот такое.
- А с сестрой мало дружили, да?
- Как-то... ну, может из-за того, что она девчонка была, но как-то не особенно...
- Вас учили музыке??
- Да. играли на скрипке, а она не фортепиано
- Вместе с сестрой? Она аккомпанировала вам?
- Может быть, да, но я не помню. Потому что ... во-первых, она девчонка, и потом, она старше меня. У нее, может быть, были свои эти... интересы там, или... Я больше читал, больше мечтал, может быть, фантазировал...
- Это еще до школы, да?
- Это еще до школы, потому что в школу... я пошел в школу, я не помню, какой это год был, вот, но получалось так, что у меня там еще, это было до школы, а вот первая школа – это, ну, где сейчас институт телевидения, где-то там на Политехнической, вот там была моя первая школа. А потом построили рядом со мной, ну, на нашей улице, вот туда я стал ходить. А потом отправили в этот, в Среднюю Азию.
- А что вы читали? Какие любимые были книжки?
- Ой, все подряд, начиная от этого, ну, «Синяя борода» Перро, большой, у нас всегда хорошие, большие книги были, с картинками там, с этим, и я был, ну, среди них. И там кончая, до там, может быть, Шиллера или Достоевского там, и прочее – это в то время, видишь...
- А няня в церковь только вас водила или сестру тоже?
- Ирочка, даже не знаю. Может быть, нас обоих водила...
- А сестра тоже не помнит – крещеная она или нет?
- Я могу спросить у нее.
- Но так у вас не было никогда разговоров?
- У нас недавно возник разговор с братом с моим, с Ленкой, так? Он вот умер, весной умер, я его всю жизнь называл братом, хотя он мне приходился племянником, двоюродным. А он мне – слушай, а я крещеный, в костеле я крещеный. Он умер, его нет, - вот я вчера был на кладбище, урночку захоранивали, я тебе говорил. Вот, и жена его, Валя, так? Она все узнала, и она эту урночку повезла на Ковенский, ну там, ну, то, что надо было сделать, все сделала, и мы захоронили... Так что вот это вот у меня мое упущение, что я даже не знаю, какой я веры, какой я там это, и прочее. И причем, я хожу на кладбище в свои дни: вот мой день рождения – я иду туда, вот мамин день рождения – я тоже иду туда. Когда... ну, в Левашово, это к отцу я иду, так? И когда говорят, вот, мол, там, в дни рождения ходить нельзя, а я ему говорю – знаешь что, мамка не обидится.
- ... ну, когда мамка... я когда освободился, я поехал к ней [в лагерь]. Не то, чтобы декабристов начитался, там Некрасова и прочее, я просто, я не мог иначе. Я поехал к ней, и не то, что к ней – а был там рядом и ходил, навещал ее, и... то есть, вот мое воспитание. Вот, а не то, что там...
- А скажите, дома о политике вообще не говорили?
- Ну, все время говорили о политике, когда я уже взрослый стал.
- Нет, в детстве.
- В детстве... ты знаешь, вот я сейчас вспоминаю. Говорили, знаешь, о чем – во-первых, папа знал это... он и учил, и знал эсперанто, это язык такой. И даже после того, как я вернулся сюда, в Ленинград, нашел... оказывается, в Доме науки, это... на этой, на набережной, как он называется?
- Дом ученых.

- Дом ученых. Вот я ходил туда, я нашел педагога, ну, не педагог – такой Подкаминер - его фамилия, он когда еще в то время вел эти вот курсы там, вот в этом духе. И папа, ну, со слов мамы, так? Он в то время, ну, как бы, не то, что мечтал, у них была идея сделать ну, как бы, объединенные, ну, штаты Европы. То есть это примерно то, что сейчас ... ЕС, что ли, называется? Ну, вот эти вот... Это вот в то время вот была вот такая идея, они там продумывали, я не помню – но это со слов мамы... И когда я разговаривал там с тетей Гутей, а тетя Гутя – это жена дяди Миши Добрякова, и вот она мне это, ну, мамы уже не было, так? А она мне рассказывала, что вот, у них такие-то идеи были, но я был слишком мал, чтобы... не то, чтобы принимать участие, а соображать, что это и как. Ну вот... это изучение эсперанто, который я тоже учил, так? У меня и учебнички там есть... И вот, может быть, отец, ну, интересовался этим, какие-то обсуждения, может быть, были. Но я помню, когда вот там по спектаклям, вот какие-то разговоры были, какие-то книги обсуждались, или там что-то... кого-то хвалили, кого-то там... возмущались, ну, вот такое там, в этом роде было. Ну вот, потом у нас помимо, ну, беллетристики, ну, помимо там классики, вот были еще – ну, вот «История гражданской войны», - вот такая красная, большая была такая книжка, вот, и там... ой, там вот этот «враг народа», там что-то Блюхер, там или еще там кто-то, ну... портреты стали выдирать, - вычеркивайте там...

- А как отец это объяснял?

- Ну, возмущался.

- Возмущался?

- Да. Да. Ну, я не помню, как возмущался, но говорил, мол – что происходит, что-то такое вот было. Но... не то, что он там ходил там куда-то на демонстрации или еще что, и опять-таки, я мало помню, что об этом говорили...

- А дома отмечали советские праздники?

- Ну... октябрьские? Ну, может быть, на демонстрации кто-то ходил из них [родителей], может быть.

- То есть вы не знаете?

- Нет. Я знаю, чтобы мы ходили... ну, я не знаю, может быть, ходили, но навряд ли. Я не помню, в памяти у меня нет, чтобы мы ходили куда-то на демонстрацию. Я просто не помню, не знаю. А, вот первый раз, когда разрешили, елку на Новый год (я не помню, какой это был год) - мы поехали на Дворцовую... ну, тогда она площадь Урицкого называлась, вот тогда мы поехали туда, вот это я помню.

- А еще до ареста отца дома обсуждалось то, что репрессии, то, что людей зря арестовывают?

- Это, Ира... при мне это не обсуждалось. ... и когда отца уже взяли, ведь как это было – это приехали к нему вечером, ну, мама рассказывала, приехали 4 марта, нет... 4-го ноября. ... у нас 4-е, и март это, и четвертое, четверг – это всегда плохо для меня, для нас. Это и маму взяли 4-го, и меня... меня 4-го взяли, так? И отца взяли 4-го... ноября. Вот, в тот день, долго-долго его не было, потом он звонит с работы, или мама звонит... нет, он не звонит... или с работы. И сказал – ну, еще немножко, там стартер разогревается, там, скоро приеду и прочее, прочее, так? И все, с концами.

- А вы были при этом дома?

- Но это вечером, я был дома, конечно, но это, наверное спал, уже и ночь и прочее.

- Вы не помните?

- Нет. Нет. Но я помню, когда пришли [с обыском], там все-все это вот, вот эти приборы, вот эти вот, этот... у него там телевизор или что-то, эта вот штука, так? Это все было перевернуто, там всякие щипчики там, паяльники, там вот эти вот книжки, это все-все было... не знаю, что они там искали, может быть, что-то такое... Вот, ... у нас был балкон, большой балкон и с этими, ну, разноцветные... ну, стекла, ну, наверху большие. И там, к зиме, ну, там тоже какие-то книги были, или там что, - все это перевернуто.

- То есть вы утром встали и все это увидели?

- Нет, это не... ну, через день там, ну, через два – вот такое вот было. Не сразу приехали [на обыск].

- А когда отца арестовали – мама сразу сказала?

- Ира, не помню. Не помню. Вот, потом как же это было еще... Нет, не помню, вот этот момент я не помню. Я помню, что там вот эти вот где [кабинет отца], ну, приборчики всякие были, где для меня как бы, ну, не запретная зона, при отце была ... я а все это так – ну, стоял – смотрел, так? А это все было там, ну, в таком состоянии, вот, вот это я помню. А как там, сколько там дней это прошло, как там, что... потом стали собираться, когда сказали уже, что... нас в ссылку

- А как это было?

- Ну, опять-таки, я помню сборы, - что вот это мы берем, это не берем, там – ну, паковалось... Я абсолютно - никакой реакции у меня не было, - ну, куда-то едем там, зачем едем, почему?... Я помню, дядя, мамин брат, помогал. Он, ну, они так, они все были возмущены, все были... ну, потрясены, что ли, и он поехал с нами.

- А маму с вами и с сестрой выслали?

- Да. В Среднюю Азию. Да. В Ташкент, станция Усатынская, Хаварский район ... ну, в Узбекистане. Видишь, ... там это станция, узловая станция. И ходили с бидончиками в столовую и покупали обед – ну, не есть там, а с собой брали. А там так было – опять я так пересказываю, - не в одном месте все время. Почему – потому что вот мама, она медик, и ее посылали делать эти там прививки, там что-то микробиология, там, ну, эти... эпидемии. То есть она то в одном кишлаке, то в другом кишлаке, потом Деньгиюль такой был, потом была Оротюбе или Оротюбе, Баланчекир... там где-то в Таджикистане, это Тянь-Шань, это где горы там эти и прочее. Вот это в памяти. Но ее посылали туда как на работу, как по... специалиста, вот по этим, по эпидемии там что ли. Но это опять так смутно в памяти. Ирочка, я вот так пересказываю...

- Скажите, когда вас отправляли в ссылку – вы не понимали, что это ссылка?

- Я лично – нет.

- А когда вы поняли, что... что отец арестован, что вы в ссылке живете?

- Вот когда мы приехали туда, там какая-то землянка... ну, там эти саманные вот эти вот домики, или там прочее. Но где мы вначале были – не помню, потом нам дали такой длинный, как сарай... ну, не сарай, дом, ну, в то время это дома считались, вот. И какую-то комнатку, вот где глиняный пол был, где глиняные стенки, вот мы стали жить там. Вот и там я понял... да, вот даже в школе, даже там в школе, потом какие-то или соседи – уже стали и пальцем там тыкать, и прочее, но и в то же время, когда мы, ну, куда-то в гости ходили, когда там были такие как мы [ссылные], мы очень хорошо понимали, мы находили в себе как, ну, праздник, то, что мы вот соберемся все вместе, так? ...мы все верили, что какая-то это ошибка, то-то, то-то, и так далее – это несправедливость. Но там мое воспитание, оно продолжалось. Я не был среди каких-то гопников, мы же не вот эти вот... ну, бандиты там, ну, или уголовники и прочее. То есть наша вот среда – она так и осталась. Потом еще какой-то был, ну, поселок – это в полном смысле поселок, это... ну, степь кругом... И там был такой Вельцер, это тот, которому приемник отца отдали... такая, ну, ценность, ... и он там стал это радио слушать...

- вы папин приемник привезли в ссылку?

- Да, да. У нас ничего другого не было... Так, там поесть не было... мы как-то... кур мы купили, вот куры были у нас, так? Вот.

- А вы так и жили с дядей, да?

- Нет, нет. Он нас довез, а потом его судьба... он и сюда не вернулся, вот сын его, Юра, остался, так? А... и неизвестно, где, то есть он пропал, ну, пропал, не знаю там, где он. Поехал с нами в Среднюю Азию, а куда он потом исчез... так и не знаю...

- А скажите, вот вы в ссылке и... ну, вы же спрашивали у мамы – где отец? Что мама отвечала?

- В какой-то период я знал уже, что десять лет без права пересылки... Вот это, вот это я знал, я знал, что он арестован. Но моя реакция в то время это только-только начинала как бы рождаться. И я уже тогда спрашивал, мол – а где папа? Ну, куда-то там писать? - мама писала там куда-то, она ведь кого-то знала –ну, вот, в одно там место, в другое там, в третье... она писала, но...

- Значит, вы уже в школе учились и сестра старшая тоже, значит, вы вникали в разговоры про то, что есть враги народа – как это все происходило, вы верили в то, что есть враги народа?

(перерыв в записи)

- Тогда уже – да, понимал. Ну, в нашей школе, я особо не чувствовал. Но когда сестрица приходила со слезами на глазах – говорит, мама, что это они меня там называют, там, не то враг, не то дочка врагов народа, что-то в этом духе – она уже да – хорошо понимала. А я такой, ну, бестолковый был, что я... ну, как-то мне, ну или я еще тогда маленький был. Но, а там, в этом, в Усатьевской, это первое вот где тоже школа – там постоянно нам это тыкали. Вот эти вот местные.

- Но а как вы понимали? Вы понимали, что отца арестовали ни за что? Это вы понимали?

- Ира, в то время – нет еще.

- Как вы к пропаганде относились? К тому, что есть враги у советской власти, что их арестовывают потому, что они враги народа – вы в это верили?

- Ирочка, в то время я... вот сколько мне тогда лет-то было? Лет десять уже. Я больше занимался литературой, то есть, ну, это беллетристикой, ну или там какой-то научной, а просто меня интересовало там... ну, не знаю – от Достоевского и кончая там Шиллером... И я жил этим. А в политику я не входил, я позже, когда вошел в политику, вот там я уже стал как бы это действовать, ну, по-своему там, и то... и так вот между нами, вот то, что вот, ну вот там Рыбаков – он вот там написал [лозунги на Петропавловской крепости в 1976], его там схватили. Его просто поймали. А то, что я делал – меня не поймали, так? Я немножко иначе делал.

- Но это мы дойдем, это подождите...

- А в школе вы проходили Павлика Морозова? Не помните?

- Павлик Морозов – это тот, который там...

- Который папу...

- А, этот? Нет.

- В школе этого не было?

- Нет. Во всяком случае, я не помню, в то время, я даже не помню, не знаю и...

- А мама объясняла, почему вы ссыльные, почему вы враги народа? Как мама это объясняла?

- А мама объясняла – это ошибка. Потому что папа и она – они, ну, честные, они не могли быть против народа, против этого и то, это какие-то там эти... ведь маме что приписали-то? Это... ой, как это... цель – убийство и там терроризм, и что-то там – покушение на Сталина.

(перерыв в записи)

- Перед самой войной, вот, что я вот тут хотел-то сказать, когда мама ходила отмечаться, причем то в одном, то в другом, то в третьем, и даже в Арачуба - это, по-моему, Таджикистан, в общем, ее посылали по работе во всякие места, так? А потом раз – вызвали ее, и ей дали даже премию когда-то, за то, что... ну, большой белый платок, ну, вот, за ее работу, а я сам болел малярийный у меня был не помню, как это называется и пил такие маленькие, очень горькие таблетки желтого цвета. А мама все время работала, вот... ну, население, ну, профилактика – ну, вот что-то работала в этом деле. И спустя там три года, ну, перед самой войной – ну, или там четыре года, ее вызвали в очередной раз,

то есть она пошла в очередной раз отмечаться в милицию, и ей говорят – ой, вы знаете, там произошла ошибка, извините, и возвращайтесь обратно.

- В Ленинград?

- Да. Да. Произошла ошибка, - возвращайтесь обратно. Это перед самой войной.

- Какая у Вас на это была реакция, что Вы подумали?

- Ну, какая моя реакция была – понятия не имею, не помню, не знаю... никакой, наверное – ну, поехали домой, поехали домой, и все. Но уже после этого...

- Вам было в ссылке тяжело, плохо?

- Ну что, - я мальчишка... так? Вот. Тяжело как было – когда меня там тыркали... вот мы играем с кем-то, а меня там начинают, мол, это – вот я, мол, с тобой играть не буду, там, или еще что-то такое там было... Там проблема с водой была. Вот были арыки такие, и вот наполнить там это... ну, канаву там, или... ну, не бассейн так, а какую-то чтобы водой пользовались, и там у каждого свое время было, он перекрывал и тогда к тебе это шло. И когда вот надо было, чтобы к нам это шло, вот я там стоял с мотыгой и ждал чтобы моя очередь. А мне, мол, ты этот (ну... не помню, как меня там называли, ссыльный или там это – враг народа, я не помню уже) – иди отсюда. Но вот такая вот как бы дискриминация – это было.

- А вы в драку лезли?

- Ой, всякое было, так. Когда, ну, меня как бы, ну, доставали, как вот сейчас говорят – я лез, хотя мне и попадало, но я упрямый, но я это... значит, я всегда мог [в драку]. Это меня и воспитало. Это хотя вот позже, это когда я вот служил, на флоте был, там было даже вот так... у кого больше всех этих... благодарностей – у Муравского, у кого больше взысканий – у Муравского. Ну вот такой я был, да. Как это вырабатывалось, это воспитывалось – я не помню, не знаю.

Ну вот бывают волки, волк, который сам по себе ходит и все, так? И я такой.

(перерыв в записи)

- Вернулись [в Ленинград] накануне войны. Это, значит, 40-й год, 41-й... Потому что в 41-м, когда я пошел в школу, уже война началась и я не доучился...

- Вы вернулись из ссылки в Ленинград, вы вернулись в свою квартиру?

- Нет. Нет. Вот мы вернулись, а так как наша квартира была занята - мы стали жить – у тети...

- У маминой сестры?

- Нет, нет, это мамина подруга, ее муж - дядя Миша Добряков, ну, он в Италии был, там по учебе или как инженер, а когда вернулся, - его тоже арестовали. А она сама потом была выслана в этот... И, ее там не было. А ее выслали, с Вовкой, с Володей, со старшим сыном, а Клава, это сестра ее, она жила в этой квартире и мы жили там. Это было... ну вот, начало войны, и прочее... А после этого, я даже не помню, из-за чего... ну или то, что нам потом дали на Сердобольской, ну, комнату или там что-то такое, так? И... мы туда переехали. Но это уже была война, там холодно, там эти... трупы лежали уже. И, что я еще помню, это меня на саночках... нет, я помню еще раньше, когда мы ходили, и еще говорили, ну, вот, мол, семья Муравских идет в театр, так? И мы брали с собой эти талончики, ну, продовольственные, сахарные, и в Музкомедии отоваривали, ну, там коржики какие-то, потому что сахарные талоны – на них получали вот это, такой кусочек. Я помню там «Веселую вдову»...

- Это осень 41-го года, да?

- Это осень и зима. Холодно уже было. Но в самую зиму мы не ходили.

- Расскажите про ваше возвращение, вот вы встретили своих старых друзей, или вы пошли в другую школу?

- Вначале был, ну, в старой школе. Но когда мы переехали на Сердобольскую, там я уже, по-моему, даже и в школу не ходил - это уже зима была.

- Когда Вы пришли в школу Вы встретили своих друзей?

- Да...
- А вас спрашивали о ссылке, вы рассказывали о том, что вы были в ссылке?
- Вероятно, я не помню. Тут я не помню. После этого я виделся... вот помнишь, я тебе говорил – что вот, мол, мы тебя помним, ты на скрипочке играл и так далее. Это были те, кто был с этой школы и они мне сказали... Татьяна Евтихьевна, ну, директорша этой школы, и я был... ну, уже в эти годы [в 50-70-е], был у нее дома, там общались, там она и маму помнит, и меня помнит...
- А до войны как Вы понимали, что происходит?
- Но тогда... Нет, я чувствовал уже. И я у мамы спрашивал, и пытался [понять]– мол, а как так, а где там папа, то-то, то-то, но я помню, она сказала – без права переписки, ну, десять лет без права переписки. Это я помню. И когда я начал уже... (это какой год?... это война, потом ... уже после войны). Но вот я всегда давал эти вот [письма], - письма писал в эти там всякие... в прокуратуру там [отца искал], в это вот... где мой отец - ну, так далее, так? Я получал уведомление о том, что ваше там письмо получено, и на этом все заканчивалось. У меня еще дома есть вот еще две штуки вот таких уведомлений. Вот с тех пор я уже ищу своего отца – там расспрашивал, там кому-то там писал, искал тех людей, но... когда, ну вот... ну, как там... реабилитация, ну, закон после Хрущева, Вот, то есть, я не мог найти, ну, ничего.
- Значит, вы вернулись из ссылки и пошли в школу.
- Да. Да. Но, так как война началась, блокада, холодно, что у меня осталось в памяти – это меня на саночках везут в Скворцова-Степанова. Это сейчас там психушка, она и раньше была там. Вот, почему именно туда свозили дистрофиков? И насколько я понял, там, наверное, таких вот, ну... не то, что известных, а... ну, каких-нибудь там (кто работал [так?]), но так как мама была все-таки она известная, так? Вот меня тоже туда привезли. И меня отправили уже оттуда, уже чуть ли не на саночках на Финляндский вокзал, ну, и потом это... ну, и так далее, и так далее.
- Нет, я не поняла. Про так далее – не поняла. Значит, во время блокады у вас в городе остались мама, вы и сестра?
- Да.
- Значит, вас отвезли в Скворцова-Степанова?
- Да, в дистрофическую...
- А мама и сестра?
- Ну, где-то здесь были. Вывезли всех вместе...
- Когда?
- Сейчас скажу... По-моему, в марте 42-го года. Когда открыли... ну, Ладогу открыли и нас сперва на поезде привезли, затем... ну, до Ладоги на поезде, потом, ну, там в машину посадили, бросили на сено, и повезли туда. А там в эшелон и через Вологду... (перерыв в записи)
- Затем... ну, посадили в вагоны, в теплушки и поехали. Вот, там, правда по частям это... ну, кто помирал, того это... оставляли где-то, вот, в Вологде там большая остановка была, ... А потом каким-то путем, ну, на Северный Кавказ.
- Всех вместе? И маму, и сестру, и вас?
- Да. Да, тогда или вместе мы были, или... ну где-то мы пересекались, потому что... я был приписан от ремесленного училища, 54-е училище. Когда туда приехали [Черкесск] и нас распределили... ну, в каких-то домах, вот я в каком-то... в горах уже это жил, ну, в каком-то там... или в семье там, или что, стерлось из памяти. Потом вот также я был на четвертой ферме, это от Черкесска там километров сорок, что ли, так, или... ну, какое-то расстояние. Почему я это помню, потому что мы периодически, там где-то раз в месяц или раз в две недели мы приезжали верхом на лошади в Черкесск и там получали или питание там, или там деньги там, вот, а я-то на лошадях не умел ездить, так, ну и тяжело было мне было. И в очередную поездку, ну, там что вот заберешь, там или

продукты там или еще что-то, так? А когда я был на четвертой ферме, я тоже это помню, ну, там косили сено, там еще какие-то работы были...

- Вы там один были?

- Ну я не один был, там, ну вот, ребята...

- А мать где была?

- Где-то или в Черкесске, или вот в Апашинске, ну где-то там. И сестра там же где-то это была. Но мы... я был отдельно от них уже. Вот, чем я занимался, я не косил, или там маленький, щупленький был, может быть. Но я сидел, крутил эту штуку и точил эти пилы. И я все время крутил вот эту вот штуку [точило]. Вот это я помню. И в очередную поездку (а мы постоянно ездили в город, там за почтой, за деньгами, за продуктами) ... и вот приезжаем в Черкесск, а там – что это там? Там горит, там горит, там все тащут, там буханки это или мешки там с чем-то, там это... сыры какие-то несут, или что-то... Что происходит? - Говорят, что вот немцы тут уже... ну, рядом совсем. И все это как бы брали, так? Не грабят, а разбирают. А мы приехали или в банк, или на почту – ну, куда-то в администрацию, чтобы там получить очередное, но там ничего этого нет, и... я помню, там собрались, там какая-то ну, толпа народу, там, может быть, там это наши это были... ремесленники там или еще это кто-то, и мы пошли... ну, от немцев. А там семьдесят километров был Пятигорск. И вот мы пошли на Пятигорск, ну, от фронта, от немцев. Ну, там шли-шли, а потом – раз, к нам такая же колонна [на встречу], встречается и мол, куда вы идете, и как там что? Ну как, мы от немцев, в Пятигорск. Ну как, мы из Пятигорска, ну, к вам, и там уже немцы, так?

- А вот эта колонна – вы в колонне были с сестрой?

- Нет. Потом мы встретились, потом...

- А почему так получилось-то, почему вы оказались порознь?

- Слушай, я даже не знаю, потому что... ну, нас так... я считался как ремесленник, ну, как бы от школы, от ремесленного. Это было от ремесленного училища.

- А когда вы успели в ремесленное попасть?

- Понятия не имею. Вот сам эшелон этот был, там были ремесленники. И меня причислили как к ремесленному училищу.

- И вот вы в колонне шли...

- Значит встретили колонну из Пятигорска, тогда мы опять повернули обратно... Как там дальше было... А дальше мне пришлось почему-то работать на железнодорожной станции и там уголь все время грузил. И причем... или выгружал, или грузил. И потом было так, что, я не знаю, он имеет свойство, что его надо перелопачивать, пере... ну, чтобы он не загорелся, что ли, так? Вот этим занимался. Потом стали отправлять эшелоны и отправлять в Германию.

- это уже оккупация?

- Да, это уже при немцах было, да. Как там, что это было, вот где я там это был – ну, тоже не помню, чем там мы занимались, и прочее, там шатались, или еще что. А, вот как еще было. Там у нас был старший, он учитель истории, ну, как бы... который руководил нами. Мы вначале хотели там эти, ну, стога, которые мы собирали, все, ну, сжигать их, так [чтоб немцам не досталось]? Но потом поняли, что, ну, толку-то с этого – в поле там зажечь и... партизаны, или что там, ну, не то, чтобы партизаны, ну, такой вот, протест какой-то. Вот. А потом разбредлись. Но ходили на работу, на станцию, по разгрузке вот этого угля там, вот...

- а чей этот уголь был?

- Уже немецкий, уже все. ... уже выбрали этого... как, я помню, было большое как бы, ну, собрание. Это вот собрали весь народ там на площади, и там стали выбирать какого-то администратора или там какого-то голову, или что-то в этом духе, вот так. Ну, мы как мальчишки, кто он там такой был – понятия не имею. Ну, как бы вначале ну, как-то вот держались там вместе все, от ремесленного училища.

Вот, а потом, ну, кого-то отправили, кого-то отправили из старших... потом сестру отправили... потом и нас погрузили. И... где первая остановка была? ну, где-то мы останавливались. Что мне вот запомнилось, это Арак, Дебрецен и Кичу-Салаш. Ну, это Венгрия, это Румыния... Вот там были остановки. Потом были... вот я не помню – турнепс, ну, это типа брюквы, вот это собирали. Это когда еще были... ну, как бы еще на сельском хозяйстве работали, вот... Жили мы – там такие сараи были, они специально для табака были... ну, как табак выращивают? – подвешивают его, листья, и потому, не сплошной сарай, а с дырками. Щели там вот такие были. Это все продувалось. Вот там вот мы жили. Ну как жили – спали просто, так? И я еще удивлялся – вот и сейчас удивляюсь, когда там дождик идет там, или еще что-то, спишь на полу, на этом, ну, на траве – и как мы тогда ни простужались, ни... ну, не болели. А сейчас немножко, ну, просквозило там, уже чихаешь и вот такое там. Когда, ну, сопоставляешь, вот...

Там я долго был, там типа гетто было, потому что там вот и дома были, но они были все-все огорожены. То есть за эту проволоку, так, этот забор, вернее, мы не могли выходить. Но там уже и взрослые были. Это как, ну, как гетто. Вот, куда-то нас водили работать.

- А что вы знали о матери и о сестре?

- Они тоже где-то были там, один раз мы с матерью виделись, а о сестре я ничего не знал, я знал только, что ее сразу отправили в этот, в Нюренберг, ну, это в Германии. Вот. А мать была, потому что я как-то с ней встречался, на станция Бюк...

- А мать тоже угнали в Германию?

- Конечно. Да, но все порознь. Причем ... я иногда вот спрашивал людей – ну как там, что, откуда ты, ну, с какой... ну, земляки, не земляки, с какого города, и тоже вот там вот, вот там ленинградцы тоже, ну, там такое вот это было... И когда мне кто-то сказал, что вот мама там это где-то [видели ее], ну, на такой-то станции, так, ну, в этом лагере, так, я стремился, как бы, ну, попасть туда где она...

Я дважды бежал оттуда...

- А как вы бежали?

- Ну, там ведь Югославия недалеко. А у нас в сознании – Югославия, там это леса, там партизаны, там, ну, быть свободными и так далее, так? Но... ну, убежал – меня поймали, второй раз убежал – ну, поколотили немножко, снова поймали, так?

- А кто ловил?

- Ну, эти... немцы, полицаи ... Однажды – вот при очередном, ну, прогоне (нас сперва на поезде везли, потом пешком – ну, у нас была эта, телега, там еда какая-то, то есть... телега, ну, на лошади там везли, в основном там питание) А мы сзади колонной шли, так? Вот, и, когда там наступает вечер, ночь, или там что, когда мы располагаемся спать, ну, на этом, на траве. И нас должны кормить. А нас не кормят, ничего не дают, так? А на телеге все это есть. Ну и тут это разговор-то, где он, куда это он подевался, ну, этот... зондерфюрер, ну, фюрер – это старший, - это немец, там с охраной, с собакой и прочее, так? А его нет и нет. Ну и я как этот, как, не знаю, нестандартный – я пошел его искать. А там деревня, ну, это мадьярская, венгерская деревня, так? Пошел один и нашел его. А там какой-то этот, ну, или ресторанчик или буфет, бар или как это называется. Ну, он с собакой сидит и там это пиво пьет, вот, я говорю – что ж ты, сука, даешь-то? Мы есть хотим, так, а ты это здесь сидишь. И вот как стали меня гонять, – ну, местные, там стреляли, а я там через забор прыгал. Я прибежал все-таки в лагерь в наш, ну, там куда-то спрятался там, ну, где-то. А он там все искал меня. Вот это вот такой я был... ну, не то, что дурость была, ему стал говорить такие вот вещи. Ну это... детство, не детство, но это было...

- А когда вы бежали – вы один бежали или с кем-то?

- Нет, вдвоем мы бежали.

- С кем?

- Ну, Вацлав такой, он чех или что, но не русский. Мы общались, он по-русски, или там я по-чешски. Ну, у нас была цель, это такой Сегет, город Сегет. Это граница на Дунае. И вот цель такая, потому что мы слышали, там кто-то убежал, кто-то перешел Дунай, переплыл Дунай и там они уже в Югославии, уже в лесах. Но...

- А какая цель у вас была? Дунай переплыть, да?

- Да, быть свободным, перейти Дунай, а там Югославия. Я не знаю, что там это было на самом деле, так? Но пойти в партизаны к югославам – вот наша была цель, это у многих было так. Некоторые отговаривали, некоторые там сами убегали, не возвращались, значит освободились. Вот, ну и кончилось тем, что... ну, поймали нас в очередной раз, так? Привели обратно, поколотили, а ловили на этих, на мотоциклах. Ну мы так-то днем там или спим, ну, ночью нельзя идти, но уже к вечеру там, вдоль дороги, не по дороге, а там или в поле там, или лесок рядом, так? Ну, так вот вдоль дороги шли на к Дунаю.

- А ели что?

- А что придется. По огородам, по этим...

- Когда это было?

- 43-й, наверное, год был... Это уже осень была. Ну, когда бы турнепс собирали. Это уже, ну, урожай, ну, осень, уже осень была. Потом зима где-то прошла. Ну, там зимы такие, теплые, нормальные. И после этого... ага, и вот мы дошли, ну, какой-то очередной раз бежали...потом нас снова поймали, да. И нас почему-то обратно в Дебрецен привели, а Дебрецен – это вот Венгрия, так? Нас привезли обратно в Дебрецен, ну, там большой лагерь, там то, там какие-то работы вели, а работы такие – вот разбомбят американцы что-то, так? Нас ведут туда, мы там разборки всякие делаем, там это на станции – там рельсы выворачиваем, дома там – ну, не восстанавливаем, а разбираем. Вечером снова на этот, на... в лагерь идем. Одиннадцать утра, и там как это, утро, снова летят самолеты, снова все это разбомбят, нас после бомбежки снова туда ведут, ну, ведут, и мы снова это делаем. Но мы, правда, так думали – наверное, это ждут, когда будут эшелоны, и посадить в эшелон и отправить. Но, потом снова раз, эти прилетели, разбомбили, и мы снова там все-все это разбираем... причем так, не то, что восстанавливаем, при нас бомбили, когда рвались эти вот цистерны, ну, там с горючим, или там с бензином, или там с нефтью, и они как примуса это горели все, и мы находились среди этого...Потом... ой, не знаю, чем это кончилось, но нас опять построили и пешком повели, ну, опять туда – мимо Квиш-Салаша, да, то есть вот это вот расстояние мы снова это прошли обратно, и дошли до станции, вот рядом с этой... с Австрией, вот эта станция Бюк. И там в конце концов посадили в эшелон и привезли в Страсбург. Это уже... это Австрия. И там это большой лагерь, там много барачков, там это построение, там, значит, помыли, постригли там, ну, всякие вот эти вот дела сделали. И оттуда стали на работу водить. Ну а потом что... потом, вот возили в разные работы. Где я работал – понятия не имею, я помню такое место – это где я носил тяжелые какие-то свинцовые пластины. Скорее всего, аккумуляторный завод, потому что и аккумуляторы мне тоже приходилось носить там, они тяжелые, вот это запомнилось. Потом оттуда стали вывозить в Вену, даже в Вену. Это Вена недалеко была и вот, ну, привезут туда, там поработаешь и обратно. А потом меня определили работать в кочегарке. Это в Вене. И меня раз десять работать привезли, увезли, а потом оставили прямо там. Я и работал, и жил вот в этой кочегарке. И там уж так для меня... ну, и война закончилась. Это когда уже пришли наши, так? Мне с ними пришлось пройти... ну, там чуть ли не до самого Далинца. Далинце уже были американцы, а... ну, значит, война закончилась, наступило восьмое мая, девятое, и все, - война прекратилась, на этом все и закончилось.

- И где вас окончание войны застало?

- Ой, я не помню, это какой-то городок, или Шиглиш, или... но это не Литц был. Это где-то между Веной и... Страсбургом, нет, Страсбург ближе был, потому что мы его уже прошли. Это я уже с войсками прошел.

- То есть, вас призвали в армию фактически?

- Не знаю, но фактически это не... я даже пом. ком. взвода был. Понимаешь? Ну кто меня утверждал...?, А когда война закончилась, нас построили, полк построили – и команда там: ну, 28-й год [год рождения], два шага вперед. То есть малолетки, стояли мы малолетки, и вот, значит, ну, там 28-й, 29-й год, а 27-й оставляли. Потому что он [27 год рождения] уже был как бы, ну, как допризывники они были. 27-й год – его забирали в армию по... ну, по положению. А 28-й и младше, вот нас, - построили и сказали – все, - спасибо вам за службу, вы еще малолетки, давайте, поезжайте домой, учитесь, ну, и так далее. И нас вот построили, и мы поехали домой.

- И куда вы приехали?

- Сперва нас возили по заводам, размонтировали их, ну, не то, что мы, а немцы – ну, они там снимали станки, и снимали эти... грузили в эшелоны, и отправляли в Россию. А потом нас, ну, собрали и привезли - там такой большой эшелон, там все это нормально, так, ну как это... как... ну, как перемещенные лица, как военнопленные, ну, не то, чтобы... я не, мы не военнопленные были, а как угнанные. И повезли в Дарницу. Ну, в Дарнице там был как пересыльный пункт, что ли, так? Ну, там какое-то время, это под Киевом, или где-то за Киевом, ... ну, где-то на Украине. А оттуда приехал сюда, это, ну, домой.

- долго пробыли в Дарнице?

- Знаешь, даже не помню. Ну... может быть, месяц, может быть, два, может быть, полгода, может... ну, не так долго.

- Но это как лагерь был?

- Ну типа как лагерь, но и в то же время кто-то жил на этом... ну, местные, может быть – они разбрелись по домам, а так как я был, ну, не с Украины... а потом мы поехали уже сюда, кто из Ленинграда был, поехал сюда, в Ленинград. Жил я у родных...

- А вы знали, где мама, где сестра?

- Дина [сестра], ... она так и осталась там, ну, в американской зоне, там она потом поженилась, вот почему она и в Америку-то уехала. А мама тоже вернулась, вот...

- А когда вы узнали, что сестра уехала в Америку? Сразу?

- Нет, нет... Это не сразу, это тоже там целая история получилось так – когда я уже, ну, как бы свое прошел, там отсидел, отслужил в армии, так? Ну, в Севастополе. И тогда мне моя сестрица, там, по папиной линии, Люда Сорочинская, она в Запорожье живет, сказала. Так вот Дина нашла ее через Красный Крест, и... а Люда нашла меня, то есть она нашла меня через Красный Крест и таким вот образом мы нашлись.

- Когда это было?

- Значит, я ... в 50-м я освободился, в марте месяце, – я приехал в Анапу... ну, мне некуда было ехать, так? Я поехал... приехал туда, ну поступил на работу там на завод, цементный завод, и там недельку поработал и меня взяли в эту, в армию, так? Там я в Севастополе прослужил там... и там меня Люда нашла. Видишь, как она нашла – я тоже не знаю, ну, или просто не помню. И таким образом вот мы как бы нашлись.

- А до этого вы думали – куда сестра делась?

- Ой, даже не знал. Но не думал, что она в Америке там и прочее. Ну, где-то, вот как вот мама – я долго не знал...

- вы вернулись в Ленинград в 45-м, да? Или в 46-м?

- Да... Или в 45-м, или в 46-м.

- И что вы делали?

- Вот, я нашел... Катю, Ленку и нашел тетю Аню [сестра матери и ее дети]. А тетя Аня – это мамина сестра. Я уже там тетю Аню, тетю Тосю [сестры матери] встретил. А тетя Аня, она... ну, она войну прошла, она военврач и прочее, прочее. И она в это время работала в Койвисто [Приморск]. Ну, там в нее в районе, то есть районная поликлиника там, ну, медпункт или что-то в этом духе, вот или больница, то есть она заведовала вот этой больницей, то есть медпунктом. И я поехал к ней. Хоть там... а там ведь пустота была, ну, там домов было полно, финнов нет, никого нет, и вот я жил... Приехал к ней,

стал там работать, в Оредеже... сперва молотобойцем в какой-то кузнице, вот, потом на тракторе. А потом, вот мы вместе с Ленькой [двоюродный брат]. А там... ну, это на заливе, там... ну, там такое местечко, Хомолиоке есть, сейчас как-то иначе называется, Ермилово, по-моему, или Рябово. И там я жил, там работал. И там даже в школу ходил, а школа была в Койвисте – это одиннадцать километров, я думаю – вот дурак, я ходил одиннадцать километров (ну, может быть, не каждый день) в вечернюю школу. После работы и прочее. Но я это делал, так? Я был упрямый. И в какой-то момент там стали организовывать какой-то рыболовецкий [совхоз]... ну, то есть, привезли два бота, два катера или что-то в таком духе, так? И в это время там ведь полно мин было, так? И пригнало... ну, какой-то штормик был, так? - Пригнало две мины. И вот они болтаются между этими катерами, вот-вот она тут взорвет. Да... [люди] стали звонить, чтобы приехали эти... саперы или минеры, чтобы их [мины], ну, увели куда-то, так? И что-то дня два ждали они, а потом Ленька говорит – а что они там болтаются, а вот давай-ка мы сами... Ну вот, я их [мины] зачалил, шашечка тола была, и сам подорвал их, так? Вот, но это легко делается, шашку тола там, чтобы... это ведь она летит через тебя – если вот тут, она тебя накроет, если ты будешь между этим – ничего страшного не будет. Вот, а когда я пошел вставать на учет...

- На какой учет? В военкомат?

- Да, как допризывник. В военкомат в Койвисто. И тот, как я помню, он [начальник] сидит – что Муравский? А ты не тот Муравский, он говорит – это не ты там эту мину подорвал? Я говорю – ну я это, я подорвал, да. Он говорит – а почему ты?... - А потому что я знаю, я прошел все это, так? Он говорит – ой, хорошо, вот будешь начальником команды по разминированию. И я стал работать по разминированию.

И вот я стал там работать, ну, по разминированию. В Койвисто, в этом, в Приморске. это под Выборгом... да, ну километров там сорок, может быть, на заливе...

А жил там... все дома были пустые, вот мы проживем в одном, потом... ну, жили, жили, потом раз – там клопы появились, так? Ну, заели. Мы его бросили – пошли в другой дом жить, как правило...

- Ну а что потом?

- Маму искал. Да, потом мама... ну, появилась. Мама тоже нашлась, ну, приехала. Но она была... вот где-то в Пинске она была, ну, как бы, не заезжала, а там тоже наши родственники, жили. Потом все мы собрались здесь, как все – она и я.

- Здесь – в Ленинграде?

- Да, в Ленинграде. А Дину я нашел позднее, сестрицу я нашел, мы переписываться – вот тогда я еще не нашел ее.

- А когда вы узнали, что сестра в Америку попала – как вы к этому отнеслись?

- Немножко иначе. Во-первых, мы переписывались, – вот почему когда меня, ну, там судили Мне показывали мои письма, где я писал вот... Ну, Дина там это, ну, живи хоть ты там это, ну, на свободе, там хорошо и прочее, так? Это было до моего ареста. А меня взяли в 47-м году. А уже после освобождения, потом... ну, снова была потеряна связь. Ну, потому что мне вот приписывали [на суде] то, что я вот писал письмо, ну, сестре, где я описывал, ну, мол, живи хоть ты там, ну, как бы на свободе, там хорошо и прочее. Вот это они мне предъявили, потом, у меня была эта, ну, книжка записная, так? И там я описывал ну, какие-то воспоминания, ну, как дневник...

(перерыв в записи)

- ...в моей записи, то, что мне мама потом говорила, мол, Валя, как, мол, ты это... написал там [в дневнике], ну, не агитацию, а... ну, там свои впечатления там описывал и, ну, и так далее.

- Свои впечатления какие?

- Ну, описывал то, что было... ну, я даже не помню, что именно, но, во-первых, там [в письмах к сестре] это вот выражение – «ну живи хоть ты там на свободе» и прочее, так?

Вот это вот. И потом... как бы, так сказать, вот эти вот, ну, репрессии, что отца вот не стало и то, и то – вот это вот обсуждали...

- как относились в 45-м году к тому, что в стране происходит?

- Ну, относился с радостью – что война закончилась, что я дома, что я вернулся, что все это мы живы. Ну, что все, - война закончилась, нормально как бы относились.

- Но вы же написали сестре – «живи хоть ты свободно»? Почему вы так написали? Вы уже не доверяли государству?

- Ты знаешь, в какой-то степени я не доверял, я видел, что-то, ну, отчего мы ушли, к тому мы и пришли, вот.

И дальше – было так, что, вот когда вот меня вот взяли, так? И за что меня взяли? За... ну, больше вот за эти записи, так?

И за то, что, ну, так как я работал по разминированию – у меня всегда были эти там, ну, шашка толовая, ну, весь этот набор. То есть я сюда приезжал, и с этим же я уезжал в свой квадрат. Вот, и у нас так было, что вот наш квадрат – мы идем по заливу, ну, а там прошли эти, как они – противокатерные, они на этих, ну, на проволочке, на буюх, на этих, поплавках. И что-то мы подрывали, что-то мы не подрывали, так? Идешь обратно – они снова там вылезают, так? Вот. И когда я приезжал домой, то у меня в чемоданчике все это вот было, так? И вот приписали, что вот, мол, там – хранение оружия, что эти там всякие, Вальтер был пистолет, и прочее, так? Мы рвали не только мины, а рвали... ну вот, допустим, окопы, блиндажи, и там, в этих блиндажах, там были, ну, снаряды там, там ящики снарядов, и мы собирали все в кучу. Потом шашку тола туда – и все это уничтожалось. Вот таким образом. Но мое отношение как бы к политике тогда – тогда это не было, так? То, что тяжело в это время здесь, так? И то, что Дина осталась там, и я своей это высказывал, что, мол, тебе лучше будет, и в таком это духе.

- А мама? Еще не нашлась? Расскажите, что с мамой было в оккупации, ее тоже угнали в Германию?

- Да, она тоже была в лагере. Но там где-то мы встречались... Но, Дина была отдельно. Я был отдельно. Мама была отдельно. Это не то, что был женский лагерь, а просто она где-то работала там... А я был... я в кочегарке работал. А мама была... кем же она была-то? Ну, она среди женщин была. Тоже где-то работала. Но не на картошке, не на турнепсе, а в каких-то других тоже местах. А где Дина работала – Дина работала на заводе, - их возили туда...

- Вот мама вернулась, устроилась на работу...

- Да. Устроилась на работу, работала она, по-моему, в больнице Куйбышева, вот... и оттуда ее взяли, вот...

- ее арестовали после вас?

- Да. Да.

- Тогда сперва расскажите – как вас арестовали? Дома, на работе?

- Дома. Арестовали дома, причем по глупости, вот, почему – потому что ... Знаешь, я даже не помню, по какому поводу они пришли ко мне. Но когда пришли ко мне [с обыском], причем, ну, этот милиционер... и пришел, не знаю кто он, или завхоз, или управхоз, или что-то в этом духе, так? И когда они открыли, достали мой чемоданчик, так, а там вся это вот... и шнуры там, и шашки толовые, и прочее, так? И... ну, этот [милиционер или нквдшник] ошалел, испугался, что, может, взорвется. А тот, ну этот - завхоз, этот управхоз, говорит – да ерунда, это ничего, это [толовую шашку] хоть жги - ничего не будет. На самом деле, этот тол, он не взрывается, ему надо, чтобы взорваться капсуль маленький, а так нет. А у меня как раз горела плитка электрическая [завтракать собирался]. Он [управхоз] взял эту шашечку и положил на плитку. И она загорелась, так? Но когда он [тол] горит, Надо... и она мало того, что гореть стала, а это черный едкий дым, и он потек...

- А зачем завхоз тол на плитку положил?

- Ну, хотел показать свою умноту, что вот, мол, тол не взрывается. И он положил на эту штуку [электроплитку], так? А тут, конечно, и стол загорелся, и пошло этот... на пол, ну, эта масса потекла, - пришлось окно разбить... В итоге эта история получила огласку – ну как так можно, - пожар, что чуть ли не пожар там устроили и прочее, так? И вот я говорю, - ты что, дурак, делаешь, так?

Вот, а мы с шашками там и еду готовили, и когда... мы вначале рвали снаряды, а потом мы иначе стали делать. Мы откручивали головку (перерыв в записи) ...эти, ну, порох, и там такие они, длинные эти... как макароны. И там варили еду там, среди них, и прочее. А гильзы, ну, между нами, так? Потом уже научились – сперва-то мы выбрасывали, а потом собирали их в кучу, и возили сюда в Ленинград это, ну, как цветной металл так сдавали, капсюля... Это теперь [сегодня] - ну, как ноу-хау это сейчас называется? А мы тогда сдавали – это все-все это, ну, пройдено. И мы вот сейчас вот, ну, юные минеры, встречаемся иногда, - вспоминаем как ...

Это все это... ну и таким образом это как бы получило огласку и меня [арестовали]... Правда, они хотели меня посадить [а иначе зачем пришли?], но я не знаю, чего они хотели, так? Они – вот что они добивались. Чтобы сестра сюда приехала. Велели, чтобы я написал, и чтобы она вернулась, и так далее. А я взял, дурак, написал, что, наоборот, оставайся там это и то...

- А кто вас просил, чтобы вы написали письмо, чтобы сестра вернулась?

- Вот эти, которые меня допрашивали.

- на следствии?

- Да. Да. Вот, мол, пусть она возвращается, и тебе ничего не будет, и то, и то, и... или мы тебе там – 58-ю дадим, 58-я статья. А я знал, что такое 58-я? И мне дали просто не 58-ю, а дали... ну, вот хранение оружия – какая там уж, 72-я, я уж не помню... Так что вот... такая вот как бы история была.

- Скажите, после ареста у вас сразу изменилось отношение к...

- К системе?

- Да. К системе.

- Оно всегда у меня было такое... когда я стал понимать, что вот отца нет, что вот мы за что... были в этой в ссылке там, когда нас тыкали – меня не особенно, я просто не чувствовал. А когда сестра приходила со слезами – вот, мол, мама, так и так, ну, и не только, вот здесь, а там в городе – это, в ссылке, в Усатьевском, то есть, я уже тогда - я стал мыслить, вот... Там ведь, не только мы были... И вот мы там собирались, как бы своей, ну, не компанией, своей колонией, своей... своим кругом...

- Ссылных?

- Да. В ссылке, да. И все это мы жили своей жизнью, ... у нас было очень порядочно, хорошо... Ну как хорошо – то, что там мы, в сараях жили, неважно, у нас же дух. И не как уголовники, не как блатные, там блатные тоже были, так? И по фене я ботал, но это не то. Видишь, а наш круг – там оно...

Вот почему, когда все это кончилось - я свободен, так? – а мамка еще сидит. И я все-таки поехал к ней, потому что так хоть как-то я могу, морально быть с ней там, помогать и прочее, так?

- Скажите когда вас арестовали, это для вас было неожиданно?

- Неожиданно.

- Тюрьма, следствие. Расскажите первые ваши впечатления?

- Ой, ты знаешь, ну, мне было все вообще настолько... как сказать, ну, не жуткие, не необычные, ну, ново, вот. Мне даже порой... не было такого, ну, как бы вероломства, что ли, так? Но когда он [следователь] предлагает – если там не скажешь, не подпишешь, то мы тебе тогда 58-ю, и вообще, там чуть ли не расстрел будет, так? А что такое 58-я – я ведь не знал ничего, так? Я не понимал все это, так? И вот такой как бы торг, такой, ну... провокация, но это не провокация, вот мне этот беспредел, этот, ну, неблагородно все это, понимаешь? Я ведь чистый был, так? И поэтому было такое как бы, ну, не

отвращение, а то, что это другой круг, который не человеческий, понимаешь? Вот это такое тогда было отношение, но когда... опять,

Когда я уже сидел... ну, это, может быть, фантазия, так? Вернее, ну, несбыточное – это когда я уже сидел, и когда мне мама присылала письма, я говорил, по-моему, тебе, нет? А это все проходило через КВЧ, ну, это культурно-воспитательная часть, вот эта тетка, Зоя Ивановна ее звать, так? И она в слезах была, ну, плакала, и у меня слезы были. Когда она читала мне эти, ну, мамины письма, потому что она знала, что я не преступник. И мама не преступница, так? Но вот с такой вот судьбой, что она [мама] там где-то, а я здесь, вот такое. И я захотел вот найти эту женщину, не знаю там, живая она или не живая, и как я могу найти, когда я только вот помню, что вот она Зоя Ивановна была. Начальник...

- Начальник чего?

- КВЧ. Ну, культурно-воспитательной...

- А почему она читала письма?

- Ну, она передавала мне их, так? И потом со слезами, ну и такое вот. Мы ведь не преступники, мы просто, ну, не знаю что они [нквд] хотели... вот меня посадили – за что они посадили? Да я и не скрывал, что я когда еду на работу, я везу с собой там что-то [чемоданчик с толом]. Так ведь? Я еду на квадрат отсюда, из города, а мне шашки нужны были там – вот я собрал там кучу снарядов, так? Я должен уничтожить, подорвать все. Я беру шашку, вытаскиваю там шестнадцать секунд эту... ну, зубами мы обычно вытаскивали эту штуку. Вот, это моя работа была. А то, что мне приписывали Бог знает что, это для меня все новое было.

- Скажите, в тюрьме, в камере – что вы узнали для себя нового?

- Ну, я узнал, как можно без спичек прикурить, вот это интересно. Как послать, ой, я не помню, как называется, письмо послать там в другую камеру... Ну, опускаешь туда письмо, потом туда, туда по всем камерам, там порядочность была...я, допустим, на четвертом этаже, а она на втором этаже и вправо там еще, Бог знает, сколько, - обязательно это дойдет. Ну, там я узнал, подонков...

Вот я почему-то не то что ненавижу, но мне не нравятся все равно эти... художники. И вот, почему – потому что они... когда мы [в лагере] на работу уходили, так? Они там сидят, церковь рисуют, так? Вот, в тепле сидят. Когда мы возвращаемся, они рисуют, ну, делают наколки этим, блатным. То есть они как привилегированные эти... вот мой приятель, там такой, как его... непомню, так он все время этим занимался. И как я могу к нему хорошо относиться и прочее, так? Он сидел там, зэк там, и прочее. Так первый там художник. Даже когда была выставка [лагерных работ в 90-е годы], я не помню, как его это... ну, хорошие работы были, и я ему сказал, что хорошо, прекрасные работы, но к классу художников я ..., вот так отношусь...– это вот у меня в памяти осталось.

- А скажите, вам предлагали когда-нибудь стучать?

- Нет.

- Не пытались вас вербовать?

- Нет. Нет. Просто не было или повода, или разговора, или... но с кем я мог как бы, ну, не то, что общаться, а разговоры вести – с Зоей Ивановной? Так это что - что поплакать, а прочесть эти письма. А так нет, официально – нет.

- А вы сталкивались со стукачами?

- ... слушай, я даже не знаю, что это такое. Мне не приходилось с такой категорией, ну, людей сталкиваться и прочее.

- в лагере не было доносов?

- Нет. А на что на нас доносить? На что?

- Ну, на какие-нибудь высказывания, на разговоры?

- У нас такого не было. У нас этого не было. У нас опять было вот что - что я находил свой круг там [в лагере], - это или игра в шахматы, а я и там обыгрывал, но там ведь не мастера были, и прочее, так? Или – вот почему я порой пользовался [уважением],

ну, ... как бы меня признавали, меня и блатные признавали, и прочее... Это – даже в камере, когда еще в Крестах это было... ну, давай там рассказывай, и я, вот... им там что-то вот из Достоевского, из Льва Толстого из «Воскресенья», или там еще чего-то, я начинаю рассказывать, потому что я помню, потому что я знаю, вот, я и рассказывал, понимаешь? И они все это там замирали- ну, давай, давай, что там дальше, что там было дальше, так? Я говорю – спать пора уже, так? Ну, идем спать. Следующая ночь, так? - Давай говори, ты там учился, мол, чего там - рассказывай, и прочее. Вот таким образом мне вот приходилось... я не то, чтобы я, ну, стремился к этому, это само выходило, понимаешь? А так вот стукачи – это... я не знаю, я не помню, просто не было повода, не было никаких ни обращений, ничего это... я не видел их, не знал их.

- Вы встречались с людьми, которые сидели уже много лет по политическим статьям?

- Ирочка, нет. По политическим – нет.

- А где вы, в каком лагере были?

- ОЛП-11...

- Это где?

- ну, Енисейск, ну, это Красноярский край.

- А знали о том, какие были репрессии 30-х годов? В лагере об этом рассказывали?

- Нет. Мало того, я оттуда [из лагеря] уже стал писать об отце, понимаешь. У меня вот именно какой вот – 49-й год, мое первое понимание... ну, это, может не первое, но я уже интересовался, писал даже оттуда, из лагеря. Хочу узнать, мол, судьбу отца. И мне говорили – да что ты, там это мне, не поднимай, там сиди тихо и все. Я вот упрямый был...

Но -вот это – я интересовался. Я общался.

(перерыв в записи)

Я мало того, когда я был в Севастополе, потом это Измаил, это 4-я Дунайская какая-то флотилия, так – вот туда меня перевели [когда служил в армии]. И мама мне передала адрес [родственников свой знакомой по лагерю], - она по политическим была там с ней, ну, она сидела вместе с мамой, в Долинке, так? Она, правда, так – значит по религии она сидела там, ... ну, посадили за это дело [за веру] ее...

И вот тогда, будучи уже свободным, ну, я морячок был, [пришел по этому адресу] вот тогда мы обсуждали это так вот... ну, там всякие темы. Но опять-таки, я был как-то далек от того, чтобы там что делать – я не знаю что? Но я уже тогда был среди понимающих... И вот тогда я встречался, ну, с родственниками – там, дочка, потом еще там другие, но не в самоволке там, в увольнении. Я прихожу, а потом раз – приходит он... я тогда старшина был, а он этот... ну, не адмирал, а капитан первого ранга, или что-то в этом духе, так? И мы находили общие темы... ну вот такое вот... такие вот вещи. Но опять-таки, я не, не как диссидент, а как... ну... не знаю как

Ведь сколько я писал [хотел] навестить сестрицу. В Америку поехать. Она вызов дает, - ничего – ну, отказ, отказ и прочее.

- Когда вы первый раз хотели ее посетить?

- Ну, первый раз там в шестьдесят каком-то году. Когда вот мама умерла в 57-м, я после написал сестре...

- И что?

- Сестра, она кто... - ну, россиянка, приехала сюда, там не побоялась ничего, ну, навестить вот уже могилку только...

- В каком году?

- Ну, в 59-м, там, в 60-м... Но... и когда, ну, уже все, мамы нет... Вот с тех пор она постоянно мне посылала эти там, ну, тогда вызов там надо было дать там, и то, я вот ходил постоянно там это, шумел, и то, ну и отказ, отказ, отказ, так?

- Почему Вам отказывали?

- А я даже не знаю – в ОВИРе отказ и все. Пришел снова - отказ... А она [сестра] еще – вот, мол, ты не хочешь приехать, и то, и то, - [она не понимала, что мне разрешение не дают]. И потом, я не помню, какой это год, семьдесят... восьмой или... ну, когда вот Хельсинские соглашения ... пошел туда - мне как бы очередной отказ там ..., а потом вдруг меня вызывают в ОВИР, - пришла открыточка, вот, мол, так и так, вот вы подавали там заявление на посещение там сестры в США. Говорю, ну, подавал, да. Тогда, давайте, - оформляйте, и мне дают... ну, визу ехать туда. И вот таким образом я один из первых, который... ну, мне там сорок раз отказывали, так? А сейчас разрешили поехать туда, и я впервые поехал туда.

- В каком году это было?

- По-моему, в 78-м... или... я не помню сейчас точно. Я могу посмотреть по паспорту, вот. И тогда я был там, я встречался, ну, со своими...

- Давайте вернемся – значит вас приговорили к ...?

- Вы поехали в лагерь, а как вы узнали, что мама арестована?

- Ну, из письма, наверное, и...

- И вы переписывались между лагерями своими?

- Да.

- А скажите, вот когда вы узнали, что мама арестована, как вы это поняли?

- Ну когда мне мама написала первое письмо, я, по-моему, его тебе показывал или даже отдал, как оно – «Прощай, прощай, и если навсегда, то навсегда прощай.» Байрон или кто-то из них, по-моему... Когда прочитала это и отдала письмо-то Зоя Ивановна, вот с этим...

- Это она из Долинки написала?

- Ой, не помню. Может, она была в Акмолинске, во Владимирской там, где-то еще там вот, я отовсюду получал.

- И как вы, как вы это понимали, как вы это для себя объясняли – почему маму арестовали?

- Слушай, я это как бы не философ, умный, я как бы даже не задумывался, - вот они, извини, суки, арестовали, так, и меня посадили, отца забрали, так? А... и маму еще ни за что. И самое... когда женщин ..., когда их там по лагерям, по этим... я представляю, как это... мои родители, ну, когда с женщиной все проходит, это в сто раз тяжелее, хуже, и ... Ну какое мое отношение может быть, так? Не знаю, что я могу сделать...

- Вы это говорили друзьям, знакомым? Или вы это скрывали?

- Я никогда ничего не скрываю. Я всегда говорю – во-первых, правду я говорю. Я говорю – чего ты это, скажи правду, скажи то, что ты думаешь, и так далее – это проще. Нет, я всем это говорю. Потому что это... себе легче, себе чище и... потом я вот пример такой себе привожу – а что бы сделал твой отец? Вот как бы вот, допустим, он голосовал за того, за этого, так? Вот как бы отец твой это? – я всем говорю правду.

- Как люди реагировали? Вот вы говорили, что отца арестовали, отец пропал, вас посадили, маму посадили, про сестру...

- Ну... большинство вот как они [власть] делали – вот, так и судьба значит, - да, ну, смиришься – даже когда я уже был свободен, говорю – все, я к маме поеду, так? А две мои сестры, двоюродные родственники, которые там вот, и любят там, и прочее, так – говорят, ну Валя, это судьба, вот папа там погиб, так? Ну и мама, такая вот судьба, значит... ну что ты поедешь туда, будь здесь, учись там, ну, будь в городе... Я говорю – нет, не могу это сделать. И я поехал к ней.

- В лагерь?

- Да. Да. А просто так приехал в шахту, приехал в Караганду...

- Она в Караганде тогда была?

- Она в Долинке, а Караганда – это, ну, километров пятьдесят-шестьдесят. За один присест, за один раз я не мог приехать, я вот шел-шел, потом в стогу сена ночевал, и

утречком я снова шел. И тогда пятьдесят километров я проходил за... ну, я ходил на выходные туда, потому что транспорта, ничего этого не было.

- Вы работали в Караганде и на выходные ходили к маме туда?

- Да. Но не каждый выходной, ну, там через раз, по-моему там два раза в месяц я бывал у нее.

- Ей разрешали свидание?

- Давали, там был специальный домик, комната даже, ... это в зоне там... Вот, мы с мамой там, ну, вот сутки там пробудем, так? Потом я бегу обратно, пешком, так? Бегом даже. Я, ну, нормальный был...

- Как так – пятьдесят километров?

- Ну, с остановочкой. Я опять ночевал в стогу сена, вот. Все рассчитано было. А утречком на работу. Или когда отгул брал, я не помню, как это было...

Ира, и вот, - вот мое воспитание, вот мое... ну, как тебе сказать...

- В Караганде вы куда устроились на работу?

- Шахта... имени Кирова, номер три, - машинист, машинистом комбайна.

Там испытывали эти вот, новые машины, я молодой был и соображал что-то, я добился, что я стал машинистом нового комбайна, у меня бригада была, и новая техника.

- А что было до Караганды?

- Я освободился в 50-м в марте, маму арестовали в 48-м, по-моему.

- Ну вот, после освобождения я успел уехать к тетушке в Анапу, и вот там призвали в армию. Вернулся из армии и в 54-м поехал к маме..

- Когда маму освободили?

- По-моему, в 56-м. Не помню, я должен посмотреть... Это после Хрущева...

- И вы сразу уехали?

- Нет, не сразу. Ну, во-первых, я должен был там отработать, - мне дали бригаду, дали комбайн, и какое-то время я работал еще, когда уже мама стала свободна. Потом я перевелся, не то, что бросил все, а перевелся в Донбасс, шахта Станичная. Ну, как-то тогда нельзя было увольняться, а тем более специалисту. И получилось так... мама уже стала свободна, мы прожили какое-то время в Караганде и меня перевели на новую шахту... хотя бы поближе к центру, так? Перевели... перевелся в шахту Станичная, но там я проработал буквально... ну, не знаю, две недели, может быть, так? Это была новая шахта, ее набирали специалистами, и меня, как специалиста, послали туда, но так как все было новое тогда, мы не сработались [не успели сработаться и познакомиться] и был завал. И я попал под завал, так, мне вот сломало... ну, на этом моя карьера подземная как бы в основном кончилась. Вот, я полгода лежал, что-то это с ногой, потом это переросло, ну, как называется?... - не туберкулез, а остеомиелит, что-то в этом духе. И вот поработаю немножко, тем более, там подземные, там вода, там... сапоги резиновые, она сразу – пухнет, краснеет, температура сорок, вот. И... я ушел оттуда. То есть свободно уже ушел из-за этой болячки. Ну, не инвалид конечно, но не могу работать внизу, и я тогда приехал сюда, домой, и я вернулся сюда в Ленинград. А тогда уже прошли вот эти постановления, что мы имеем право, ну, реабилитированные, возвращаться сюда. И пошел работать в метро. Ну, на стройку на эту.

- Скажите, когда вы к маме приходили на свидание вы встречали женщин с которыми мама сидела, что они говорили? просили что-нибудь?

- Понимаешь, я даже не помню, потому что ничего общего такого у нас не было. Вот маму приводили в этот домик, там комната и прочее, там вот мы все время и были. А так я больше никуда не мог ходить... когда я шел по зоне, и справа, и слева были бараки... ну, они [женщины] все глядели на меня... а так вот, чтобы контакта, разговор какой, - нет...

- А когда вы первые книжки самиздатские прочитали?

- Ну, что больше я их читал в этом... или вот у Евгении Федоровны, так? Это меня не поражало...

- Евгения Федоровна – как фамилия?
- Черная. Черная Евгения Федоровна.
- Она с мамой сидела... вот у нее это [самиздат] было. Но я не все понимал, я это, ...мечтал вот, ну как бы, кого-то увидеть, с кем-то общаться... еще надо учесть то, что я ведь, ну, как – я не имею высшего образования. И я все хотел дать детям. Мало того – я ведь женился, у меня трое ребят, так? То есть я свой, как бы, гражданский долг сделал. Мало того, когда я женился... я ведь женился где – в самоволке.

- Как это – в самоволке?

- Это было, когда я еще служил. Тогда я знал, что кончу службу и поеду к мамке, так? И когда... это опять дело случая – я иду, ну, там это, иногда бывали там эти, увольнительные там, и в самоволку мы ходили – на пляж. И как-то лежат там две девицы, ну, девицы – Бог с ним, так? Но то, что она читает Лермонтова «Маскарад». И я ей стал вслух читать... ну, не читать, а рассказывать, ну, говорить вслух то, что она читает. И таким образом я познакомился... Ну и, и потом как? – я молодой мальчик, мне еще год служить надо было. Вот, и мы каждый раз стали встречаться. Но, я честно сказал – слушай, вот я окончу службу, - так, Лермонтова вот ты читаешь, - это для меня много значит, потому что там... ну, если кривая, горбатый нос, или что такое - так, это Бог с ним. И я ей сказал, что, ты мне нравишься, что Лермонтова читаешь. И я ей сказал – я окончу службу, я поеду к маме, ну, в Караганду, или туда, где она будет – не знаю. И она согласилась. Слушай, я с тобой, куда угодно, и так далее... ну, как вот девчонки говорят. Вот, и стал с ней встречаться и прочее. В самоволке я поженился, мало того, потом был приказ по флоту, - «свадьба Муравского». Мало того, что я в самоволке женился – я еще взял оркестр, этот флотский. Потом там еще что-то было, – машина командующего так вот нас возила. Вот, но – мы поженились 3-го августа... нет, 9-го августа мы поженились, а дочка родилась 3-го августа. То есть через год, ну, как положено, ну, не то, что это – родила, а потом все это, ну, женился, ну, по-честному все это было. Но когда демобилизовался, сказал - я поеду первым, посмотрю, как там и что, а потом ты приедешь. И она приехала, но она... Чем это кончилось – она пожила там немножко, мама освободилась, так? И она уехала. Нине уже годик был, дочке.

Но дело в том, что когда она пожила немножко там, а я работал, потом и мама только с лагеря – тощая такая, и она раз – бросила нас. Говорит – вот тебе Нина, дочка, а, ну, мальчик [она беременная была] – второй, это мой, так? Но мальчика не стало... - она избавилась от него. Ну и потом вот так – у меня мама на руках и Нина маленькая, годик ей был... И после этого прошло какое-то там время, не знаю, - года три, четыре, пять, она, ну, вернулась снова, так? Вернулась – Мишка родился, так? Потом прошло время, так? А... долго-долго никого не было. Потом прошло какое-то время, – раз, Вовка родился. Видишь, потом еще проходит время, и еще – нет, хватит, и куда там... - опять бросила, вот. И мне надо и ребят воспитывать, и это, и работа там сутки через сутки, так, и то есть... и я этим занимался, знаешь. И отца искал – то есть у меня мало было время на... не то, что мало, но вот такая моя жизнь. Но это я к чему все это тебе рассказываю – ты мне Расскажи тоже про себя.

- Скажите, вот когда вы в Караганду вот поехали – жена не была против?

- Но она была девчушка, хотя уже и дочка была, и... она поехала, она согласна была на это. Вот она потом сбежала оттуда... ну, что поделаешь?

- Она сбежала из-за быта, да?

- Ну, может быть. Тяжелая все-таки жизнь была, это Караганда...

- А как она относилась к этим репрессиям, которые коснулись вашей семьи?

- Она далека от этого была.

- Но тем более, вот если она далека, и ее самой это никогда не касалось – как она это поняла? Что это такое было?

- Ну, просто она видела в моей маме, что? - что она тощая, худая, ну, по лагерному одета... Ну, сочувствие сначала... А потом, когда каждодневно, - там погода такая тяжелая, там эти бураны там, холодно... Видишь, Караганда это не то, что как Ленинград - город, а там это - там кусочек, потом это поле, там озера какие-то, все это осаждается, потом снова кусочек, где дома... Она ведь из Крыма, ну что она уехала, я не осуждаю ее.

Потом она, правда, возвращалась снова там, и прочее... Но это уже как бы личная история, ну я тоже немножко такой жесткий был... Но я считал, что раз ребенок есть, то чем еще заниматься? Так ведь? Потом в конце концов, она говорит - слушай, детям лучше будет с тобой. И снова уехала. Сейчас, когда дети выросли, у них нормальные отношения, она там, ну, внуков нянчит и... ну, я и говорю, это личное такое. Так что ее отношение к политике - она знает, что я всегда прав. Не то, что прав,... ну, поддерживает меня в этом.

- Но а все-таки, как она относилась к самим репрессиям? Она считала, что кто-то был виноват, что зря не посадили...

- Нет, нет, нет. Она полностью...

- Вам пришлось ей рассказывать, что это такое или она сама знала?

- Я ей все рассказал, про маму там, про себя, про отца. Ну, когда девчонке там, ну, сколько - девятнадцать лет, - ну, она вне политики была. Нет. Она просто верила в меня, так? И поехала со мной. Так что то, что я делаю,... ну, хожу в Левашово [мемориальное кладбище], хожу на Троицкую [к памятнику], она все это воспринимает...

- Но с вами не ходит?

- Нет, со мной не ходит...

- Вы много лет врозь жили?

- Ой, ну да, не помню... вот первый раз, когда она ушла, когда, дочке Нине, ну, полтора года, может быть. Это самое тяжелое было - и мама больная была, и потом мы уехали оттуда из Караганды в этот, ну, в Донецк, в Станичную. И мама больная была, а у меня там, ну, с Нинкой это были... Потом, когда я понял, что можно возвращаться, ну, сообразил, по реабилитации, вот вернулся, и она тогда приехала.

- В Ленинград?

- Да. Но я не мог отказать, во-первых, она это... ну, мать моего ребенка, затем, ну и маме моей будет, получше, полегче, вот... и... вот тогда она приехала. Потом... мама, ну, умерла, мамы не стало. Потом какое-то время прошло, она снова уехала, так? Вот сколько это было, когда там это было... вот, но потом какое-то время прошло, она снова вернулась, когда у нас Мишка родился. Ну, средний сын. Ой, это... когда она последний раз уходила - это я запомнил, когда там контрольные были вот, у этих, у ребят... я прихожу, я много работал, прихожу и говорю, ну как там это, ну, контрольные там, или учитель, ну как там, что это... вот. Она говорит - откуда я знаю, это ведь ты там этим занимаешься. Я думаю, Боже мой, ведь этим надо жить. Ну и потом говорит - слушай, я знаю, что ты... им будет лучше с тобой. Снова уехала. Ну, в Крым. Там у нее две сестры, там домик. А потом вот когда каникулы какие-то были, я раз - ребята едут туда в Крым, к ней... что за дела, так? Потому что вот так воссоединялись. Это уже личное мое. Может быть, я жесткий был какой-то... но когда цель есть, так? Чтобы они не были там, по подворотням не ходили - они все закончили, все это сделали. И от садика, и до...

А дочь здесь живет?

- Да. Один сын в Америке, один здесь. Скоро должен приехать... ну, свободно сейчас там, приезжают, уезжают...

- А правнуков сколько?

- Никого еще. Вот пора бы уже. Старшей внучке-то сколько? - Вот уже институт закончила, работает и... уже лет двадцать пять, наверное. Ну, вот пока нет. Но что-то такое думает.

(перерыв в записи)

- Расскажите еще про Пятницкого. Где вы с ним познакомились?

- А... про Пятницкого. Пятницкий, он настырный такой. В «Мемориале», конечно. Когда я приехал на какой-то подготовительный или учредительный съезд в Москву, и там... ну, потом мы пошли обедать. И я сижу там это, Сахаров напротив, Филонов, так, и И в разговоре... меня спрашивают – а кто еще приехал из Ленинграда? Я говорю – тот-то, тот-то, да кто еще... Пятницкий... А как Пятницкий? Пятницкий Игорь ведь здесь, куда это он... Так это Володя. Она говорит – как Володя, Володя ведь, ну, негодяй... я говорю – да не может быть, говорю, ведь он у нас там то-то и то-то. И вот тогда я впервые узнал о нем...

- Так и что вы о нем узнали?

- Что он негодяй. Но когда мне Люся [Бонэр] сказала, что он, ну, плохой – это одно. Но когда я прочитал воспоминания его матери, что он отказался, что он там в этом НКВД работал, в каком... СМЕРШ или какая-то организация, в контрразведке. И читал этот, ну, сноска там, приписка. Что он там работал. Как я могу к нему относиться теперь?

А до этого я говорю – Володя [Гельман], давай сделаем фонд помощи жертвам репрессии, так? Построить этот дом... ну, как престарелых или там ветеранов, этих... репрессированных, так? И вот тогда мы, ну, немножко сцепились и тогда вот Пятницкий, но больше Александр Михайлович, он помер уже, он говорит – о, у тебя хорошая там идея, давай, значит, сделаем фонд и прочее, так? И... ну, кстати, мы сделали этот фонд, так, мне сестрица помогла, там это найти там это в Америке, и прочее, так?

Да, Пятницкий. Когда уже стало это работать все, и он эти вот пакеты, ну, не пакеты, контейнера [с гуманитарной помощью] не сюда, в Ленинград, а направлял туда... в Могилев, и оттуда уже сам получал... я его в гробу видал, этого Пятницкого и прочее, и так далее. Вот по двум причинам – то, что он отказался от родителей, ну, он там малолетка был, может быть... хотя он уже взрослый был, когда эти вот вещи говорил – моя родная партия, так?

- А он был в партии?

- Ну конечно... Ну, его отец там с Лениным что-то такое был...

- а он сам вступил в партию?

- Ну, конечно, да. Он партийный, и когда он говорил – моя родная партия.. А я ему говорю – что ты, это ведь преступная партия. Так ведь?

- Про Пятницкого. Я не поняла. Вот вы организовали...

- Он входил в состав вот этого, ну, как это - фонда... Ну, моя идея была, он вот – Валя, твоя идея хорошая, давай это сделаем. И начали вот поступать вот эти... контейнеры с помощью и с продуктами? Что он сделал – ну, во-первых, он раздавал (и мне жаловались) – только по своему выбору, этому дал, этому не дал ... а потом эти вот контейнеры пошли в Могилев. И оттуда непосредственно, ну, уже помимо совета фонда куда-то делось

(конец записи)

Кассета 2, сторона В

- А скажите, после лагеря, после освобождения, после хрущевского времени – вы чувствовали на себе какую-то дискриминацию?

- Да.

- А в чем это проявлялось?

- Ну, хотя бы то, что меня никогда не допускали на лучшую работу, ну, допустим, вот КБ это, там скажем, специальное конструкторское бюро, те кто там работает, получают там чуть ли не в два раза больше, - я получаю меньше. Ну, чувствовалось, не то, что как второй сорт, ну, какую-то дискриминацию я имел.

Вот один тоже случай помню. Там [на работе], оказывается, был... ну, не знаю – стукач, не стукач, ну, какой-то из КГБ того времени. И он мне рассказывал... Тогда мы были на рыбалке вместе с ним, - стал откровенничать, вот, мол, я там про тебя все знаю, то-то, то-то, и про сестру, и про аресты, и так далее, так? Я говорю – так чего ты, хочешь?

И он мне стал все это рассказывать, то есть я все время был под наблюдением. Тогда я работал в агрофизике, а я там был завгаром. Я уже не мог работать в метро, внизу, потому что это... остеомиелит, он стал сказываться, я поработаю внизу, в кессоне, тем более и, сразу раз там это – температура, болит и прочее. Я раз попал в больницу, потом... ну, как бы все это прошло, снова... проходит время, там полгода отработал, у меня снова этот приступ, так, снова нога опухла, а потом – слушай, врачи говорят, -тебе ведь нельзя работать. И мне пришлось уйти оттуда.

... И когда он стал мне рассказывать о том, что вот то-то, то-то, то есть везде какая-то слежка, – они знали там и о сестре, знали там и о моем прошлом, ну и так далее. А я все это и не скрывал, мне нечего скрывать, это жизнь, и все. Вот, и то, что писал - добивался, там в эти прокуратуры там всякие и прочее – отца искал...

- Ну я и спросил, а что ты, собственно, хочешь от меня? А он поддавши был, так и твердил: я вот, мол, я все это знаю, о тебе... Ну и что, что знаешь? Ну и что?

А вот когда эта история с Высоцким случилась, тогда... наш директор, Сергей Владимирович, он тоже поклонник его [Высоцкого] был, мне сказал: вот Валя, так и так, - мы для проформы уволим, а на другой день снова приходи, чтобы мы тебя снова на работу взяли... Это им галочку надо было поставить. Ну, что все получили выговоры, все, кто организовывал это, кто разрешил, вернее. А меня, так как я первый участник, ну, виновный, - уволили.

- За концерт Высоцкого? Расскажите.

- Это было агрофизическом институте, где я работал. Узнали [сослуживцы], что я знаком с Высоцким и стали просить – организуй концерт, и директор тоже узнал узнал, ну, и попросил, чтобы я сделал... Ну, уговорил его [Высоцкого] там сделать что-то типа концерта. А потом этот скандал... и я ушел оттуда...

- А в каком году это было?

- Ой, не помню... надо посмотреть в газетах.

(перерыв в записи)

- Скажите, вы были в пионерах, в комсомоле, в партию – вам не предлагали вступать?

- Нет.

- И в пионерах вы тоже не были?

- Это я не помню. Может, был, может, не был.

- А в комсомоле?

- По-моему, нет. Хотя комсомол – это тот период, когда я приехал и работал там по разминированию, и вот там было что-то такое, ну, как бы мой возраст, но так как я все время в бегах был, - там учеба, да по квадратам там эти ходил и... - не помню, наверное не был.

- А в партию никогда не предлагали вам вступать?

- Нет. Да я и не вступил бы. Это не моя партия. И потом – что такое партия? Ну, с моей точки зрения – это эти вот, ну, не прохвосты, а те, кому карьера нужна и все прочее, только за этим вступают... А я не такой. А вступать – если вступать куда-то, значит, надо работать, надо... ну, там делать что-то и прочее, так ведь? Поэтому дело с партией, дело с тем, кого я считаю неправильным, - нет...

А потом [после реабилитации] кто-то... ну, добивался восстановления в партии [дети бывших коммунистов добивались посмертного восстановления в КПСС]. А я и говорю – ну, опять-таки, нестандартное, необычно [для всех было]... Говорю, ну что ты, ну куда ты это его стараешься, чтобы он снова вступил, восстановить в партии. Ведь что это такое – это те, которые нас давили. Ну а в то время как было? Мне отвечали – мол, партия – это единство, это единое там, и так далее. И я шел своим путем.

- А как ваши дети – политикой не интересовались? Никто?

- Ты знаешь, нет, политикой нет, но... во-первых, они еще дети были, у них был садик, была школа, был институт. А потом все переженились... Они все устроены, они все экономисты, во всяком случае, они нормально относятся ко мне. То есть, я считаю... то, что... трое ребят, все закончили [институты], у меня семь внуков, вот. Так что, свои выполнил - перед Россией, перед своей Родиной, так?

(конец записи)